

ЗОЛОТО, КОНЬ И ЧЕЛОВЕК

Сборник статей
к 60-летию
Александра Владимировича Симоненко

Киев
КНТ
2012

УДК
ББК
3

- 3 **Золото, конь и человек:** Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. – К. : КНТ, 2012. – 464 с.

ISBN 978-966-373-???-?

Сборник состоит из двух частей: избранные статьи юбиляра и работы его коллег. Тематика статей отвечает основным научным направлениям А. В. Симоненко: история сарматов и их соседей, вооружение и конское снаряжение сарматских воинов, античные импорты в сарматской культуре, искусство сарматов. Весьма важны комментарии, составленные А. В. Симоненко к его ранним статьям – они объясняют некоторые устаревшие или ошибочные выводы и вместе с заново изготовленными иллюстрациями возвращают старым работам актуальность. Интересные воспоминания содержит автобиографический очерк, предпосланный научным разделам.

Книга предназначена для археологов, историков, студентов исторических ВУЗов и всех, интересующихся археологией.

Фото на 1-й странице обложки - темно-гнедой жеребец Бальзам (Бродяга я - Лань), 1995 года рождения, породы стандартбред.

УДК ??????
ББК ??????

ISBN 978-966-373-???-?

© ТОВ «КНТ», 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

О себе, о науке и об этой книге.....7

Часть I. *Vivat Academia!*

Сарматы в Среднем Поднепровье	45
О позднескифских налобниках	73
О снаряжении боевых коней в первые века н. э. на территории Северного Причерноморья	89
Позднескифский комплекс из с. Марьевка Николаевской области	99
Кельто-италийские шлемы на территории Восточной Европы	113
Об этнической принадлежности Фарзоя и Инисмея	129
Импортное оружие у сарматов.....	139
«Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья	155
Рецензия на Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья	177
Раннесарматский период в Северном Причерноморье.....	187
Богатое сарматское погребение у с. Весняное	207
Позднесарматское погребение в Центральном Донбассе	227
Сарматское погребение с тамгами на территории Ольвийского государства	241
Михайловские «рюмки»	263
Стеклянные и фаянсовые сосуды из сарматских погребений Украины	273
Сарматское погребение в кургане Камова Могила.....	295
Бусы – воинские амулеты III – II вв. до н. э.....	309

Часть II. <i>Vivant professores!</i>	
Е.В. Степанова. Ассирийские попоны	329
Е.Ф. Королькова. Чепраки с полумерлонами: конское снаряжение как элемент сакральной символики	345
И.П. Засецкая. Изображения грифонов и «грифов» в сарматском зверином стиле.	353
В.Ю. Зувев. Красногорский курган.....	385

Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко. Меотские дротики.....	411
С.В. Воронятов. Алано-сарматские мотивы в инвентаре «королевского» погребения позднеримского времени около Мушова в Южной Моравии	417
А.С. Скрипкин. О сармато-калмыцких исторических параллелях.....	433
А.Н. Дзиговский. Из истории Буджака последней трети IV в. н. э.....	439
А.Г. Фурасьев. Персидский поход гуннов в начале V в. по данным Приска Панийского.....	449
Список сокращений.....	463

С.В. Воронятов

АЛАНО-САРМАТСКИЕ МОТИВЫ В ИНВЕНТАРЕ «КОРОЛЕВСКОГО» ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ ОКОЛО МУШОВА В ЮЖНОЙ МОРАВИИ

Случайно обнаруженный в 1988 г. недалеко от поселка Мушов в Южной Моравии (Чешская Республика) неординарный погребальный памятник позднеримского времени вызвал чрезвычайный интерес в археологическом сообществе Европы. Несмотря на то, что захоронение знатных особ оказалось ограбленным в древности, в могиле было найдено 187 предметов из бронзы, железа, серебра, золота, стекла, керамики, камня и слоновой кости. Гетерогенность и хронологическая разобщённость обнаруженных вещей потребовали привлечения целого коллектива авторов для монографического исследования этого уникального комплекса (Peška, Tejral, 2002).

Проделанная работа позволила археологам сделать вывод о том, что захороненные в могиле около Мушова люди¹ принадлежали к социальной верхушке германского общества и были погребены во второй половине II в. н. э., во время Маркоманских войн (166-180 гг.). Наиболее древняя часть инвентаря имела средиземноморское происхождение и являлась продукцией провинциально-римских ремесленных мастерских. К ней относятся: бронзовый стол, имеющий аналогии в Помпеях, бронзовые светильники, позолоченная мебельная фурнитура, железный поварской набор, восемь бронзовых сосудов, столовый сервиз и керамические чаши и тарелки. Собственно римскими являются фрагменты чешуйчатого панциря (*lorica squamata*) и ременная обкладка римского армейского пояса.

Вещи германского происхождения, позволившие датировать комплекс ступенью В2 – В2/С1 европейской хронологической системы, также многочисленны: однолезвийный меч, 7 наконечников копий, 12 наконечников стрел, круговая отделка трёх щитов, 19 шпор различных типов, большое количество деталей ременной гарнитуры, позолоченные обкладки устьев рогов для питья и керамические сосуды.

¹Результат анализов ДНК показал, что найденные в могиле останки принадлежали трём людям: двоим мужчинам и женщине (Peška, 2008, S. 56).

По мнению исследователей, весь этот оригинальный и разнообразный инвентарь должен был накапливаться в «королевской» семье в течение долгого времени. Источником поступления многих вещей могли быть как военные трофеи, так и подарки. Не исключается и то, что некоторые вещи были сделаны на заказ, специально для варварской аристократии Северо-Дунайских областей Барбарикума (Peška, 2008, S. 57).

В настоящей работе речь пойдёт об интересном и неоднозначном сюжете, связанном с хорошо разработанной темой интернациональности комплекса вещей, оказавшихся в могиле около Мушова. Во время всестороннего исследования материалов погребения, воплотившегося в трёхтомную публикацию (Peška, Tejral, 2002), предлагаемый для рассмотрения сюжет получил у коллег несколько спорную, на мой взгляд, интерпретацию. Позволю себе предложить альтернативное решение вопроса трактовки художественного оформления трёх предметов (две поясные накладки и наконечник копья), в котором достаточно чётко, на мой взгляд, просматриваются алано-сарматские мотивы, а именно — изображения сарматских тамг.

ПОЯСНАЯ ГАРНИТУРА. Первые два предмета — позолоченные серебряные поясные накладки в виде искусно изготовленных круглых блях с орнаментом в форме триквестра (рис. 1). К. фон Карнап-Борнхайм отмечает, что, не находя себе аналогий в ближайших районах Северного Дуная и в более широкой среде сарматского и германского Барбарикума Центральной и Восточной Европы, вещи являются уникальными. Использование в оформлении накладок зерни и филигрании относит их к кругу хорошо известных золотых изделий различного функционального назначения, распространенных в Центральной и Северной Европе во II в. н. э. (Carnap-Bornheim, 2002, S. 212).

По мнению исследователя, в художественном оформлении поясных накладок наблюдается преднамеренная адаптация римского триквестрного орнамента к предметам, изготовленным в германской мастерской. В качестве параллелей орнаменту мушовских накладок автор, с некоторыми оговорками, приводит ажурные композиции на предметах конской упряжи и римской армейской амуниции, встречающиеся в Паннонии и на Верхнегерманско-ретийском лимесе (Carnap-Bornheim, 2002, S. 213) — в частности, орнаменты на подвеске из Сискии (Siscia) и накладке из Цугмантель (Zugmantel) (рис. 2).

Не будем обсуждать справедливость привлеченных аналогий. К. фон Карнап-Борнхайм коротко описал отличие и сходство сравниваемых композиций, подчеркивая, что приводимые параллели — лучшее, что удалось найти. Перейдём к решению, которое представляется более подходящим в вопросе происхождения как орнамента, так и элементов поясной гарнитуры с подобного рода знаковыми изображениями.

По моему мнению, в оформлении поясных накладок из Мушова использовано изображение сарматской тамги. Знак именно такой схемы не очень распространён в алано-сарматском мире, но входит в число характерных для первых веков н. э. Можно назвать два весьма отдаленных друг от друга пункта, где он встречен (Яценко, 2001, рис. 6, 92, 10).

Первый — на Южном Урале, в Челябинской области (рис. 3, 4). В кургане № 8 Большекараганского могильника, в погребении девочки было найдено небольшое

бронзовое зеркало (рис. 4) с таким знаком (Таиров, Любчанский, 1995, с. 74, рис. 4, 59). Захоронение по фрагменту лучковой подвязной фибулы 4 варианта типологии А.К. Амброза (1966, с. 50, таб. 9, 10) следует датировать второй половиной II в. — началом III в. н. э.

Второй — в Северо-Западном Причерноморье, в Ольвии (рис. 3, 3). На одном из мраморных львов (№ 1), извлеченных из кургана ещё в XIX в., среди множества нанесенных сарматских знаков, находится и знак в виде триквестра (Соломоник, 1959, с. 169, Общая табл., знак № 173; Драчук, 1975, табл. VIII, 555, XLIV, Яценко, 2001, рис. 10). По мнению С.А. Яценко, различные тамги на льве датируются от рубежа н. э. до первой половины III в. н. э. А интересующий нас знак исследователь, видимо, по аналогии с инвентарем погребения Большекараганского могильника, относит к периоду от середины II до середины III вв. н. э. (Яценко, 2001, с. 67, рис. 6, 10).

Таким образом, можно допустить синхронность существования знака в виде триквестра как в европейском Барбарикуме, так и в сарматском мире. Тем более что поясные накладки из Мушова оказываются не единственными предметами рассматриваемого времени на территории Европы, где встречена сарматская тамга в виде триквестра. Еще одним комплексом с подобными знаками является случайно обнаруженное в 1934 г. пшеворское трупосождение в Стрыцовицах (Strycowice, Калишское воеводство, Польша) (рис. 3, 2). Знаки инкрустированы серебром на двух железных наконечниках копий (рис. 5) (Wandalowie, 2004, s. 326; Andrzejowski, 2006, s. 147–150). Как отмечает С.А. Яценко, знаки на наконечниках из Стрыцовиц отличаются от изображений на зеркале Большекараганского могильника и на мраморном льве из окрестностей Ольвии «лишь гипертрофированными, закрученными в спираль концами» (Яценко и др., в печати).

Тамги на поясных накладках, кроме Мушова, известны в богатом и неординарном сарматском комплексе последней четверти I в. н. э. в Поднестровье. Речь идёт о четырёх поясных биметаллических накладках (рис. 6) из мужского погребения в Порогах (Симоненко, Лобай, 1991, с. 18, 19, рис. 10; Simonenko, 2008, Taf. 132, 8). Накладки также выполнены из драгоценных металлов: с лицевой стороны пластины золотые, с тыльной — серебряные. Длинные стороны золотых пластин украшены напаянными поясками псевдозерни. В этой же технике исполнены тамги в центре пластин.

Четыре бронзовые ажурные накладки с тамгами (рис. 7) были найдены и в погребении знатного фракийца в Рошава Драгана в Болгарии (Буюклиев, 1986, с. 72, таб. 10, 100e, d; Симоненко, 2010, с. 69, рис. 44, 6-9). Они служили украшением ножен меча, как и одна накладка с тамгой на ножнах меча из Порогов (рис. 6, 2).

Параллели с поясом из Порогов наталкивают на любопытные размышления о путях проникновения в германский мир сарматской традиции украшения пояса — очень важной в варварской среде части мужского костюма. Мы к ним вернёмся после рассмотрения интересующего нас третьего предмета из Мушова.

НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ. Им является один из семи железных наконечников копий (рис. 8), обнаруженных в погребении. Интересующий нас экземпляр имеет широкое овальное листовидное перо и является редким типом среди многообразия форм наконечников копий римского времени в Европе (Droberjar, Peška, 2002, S. 106–108). От остальных наконечников мушовского комплекса он также

отличался хорошей сохранностью и инкрустированными серебром знаками на втулке и лопастях пера.

Наконечник относится к кругу широко известных германских инкрустированных серебром наконечников копий II – III в. н. э., распространенных в Центральной и Северной Европе. На сегодня насчитывается около 65 наконечников с различными знаковыми композициями. Среди них есть экземпляры, символы на которых совпадают с частью знаков на мушовском наконечнике. Имеются в виду довольно распространённые символы в виде колец с точкой внутри (рис. 8). Но есть на мушовском наконечнике и знаки, являющиеся нетипичными – крест, угол и двойной угол (рис. 8). Все концы этих фигур заканчиваются полумесяцем (Droberjar, Peška, 2002, S. 109).

Исследователи, занимавшиеся изображениями символов на германских копьях или касавшиеся в своих работах этих символов, трактуют их как магические (символы солнца, грома и т.д.) или благопожелательные (Hachmann, 1994, S. 328, 373; Droberjar, Peška, 2002, S. 111; Kontny, 2004, s. 148, 149; Andrzejowski, 2006, s. 147; Peška, 2008, S. 57). В случае с уникальными символами мушовского наконечника Э. Дроберъяр и Я. Пешка говорят о сложности их интерпретации и осторожно допускают, что фигуры креста, одиночного и двойного угла (без полумесяца) могут быть тремя буквами старшерунического алфавита (Futhark) (Droberjar, Peška, 2002, S. 111).

Интерпретация обсуждаемых знаков, действительно, проблематична. В этом я присоединяюсь к коллегам, но всё же попытаюсь предложить альтернативную трактовку нетипичных для германского мира символов.

Как уже выше указывалось, изображения на наконечнике из Мушова, по моему мнению, можно сравнить с сарматскими тамгами. Такой же позиции придерживается и С.А. Яценко (Yatsenko, 2010, p. 144, fig. 10, б). Фигуры креста и угла (рис. 9) исследователь выделяет в отдельные типы (№ 25 и № 26) сарматских тамг на германских наконечниках копий (Yatsenko, 2010, fig. 11). Наделение этих знаков статусом «тип» представляется мне спорным², и я бы предложил рассматривать их всё-таки как знаки, появившиеся в результате искажения германцами одного более простого, но весьма известного знака.

Возможно, люди, изображавшие знаки на наконечнике из Мушова, изначально имели дело, ни больше ни меньше, как с тамгой клана сарматского царя Фарзоя (50-е – 70-е гг. н. э.), тип № 23 по С.А. Яценко (рис. 9). Это может быть вполне вероятным, поскольку случаи комбинированных изображений из знаков одного или разных типов известны не только в Сарматии. Можно привести пример изображения сарматских тамг на копье из Розвадува (Rozwadów, Подкарпатское воеводство, Польша). Один из знаков представляет собой перекрещивание (рис. 10, 1, 2) двух самостоятельных тамг (Śmiszko, 1936, tabl. XX), и здесь я также не стал бы считать это отдельным типом, образовавшимся в сарматской среде (Яценко и др., в печати).

²Предложенные им аналогии на территории Сарматии (Yatsenko, 2010, p. 144) не совсем убедительны. В склепе № 7 могильника Клин-Яр III изображена тамга, сочетающая элементы разных пропорций (Яценко, 2001, рис. 5, № 131) в отличие от одинаковых на копье из Мушова. Знак на серебряном фаларе из могильника Валовый I на концах заканчивается кругами (Яценко, 2001, рис. 6, № 39), а не полумесяцами. Также следует как-то объяснить знак в виде двойного угла.

Не исключено, что в случае со знаками на мушовском наконечнике мы имеем дело с ситуацией, подобной усложнению знака на копье из Розвадува. Если это так, то определить, чем руководствовались германцы, которые манипулировали изображением знака клана царя Фарзоя (перекрещивание двух одинаковых знаков, изгиб оси знака; рис. 8, 10, 3), нам, вероятно, в настоящее время не удастся.

Мы рассмотрели три предмета из «королевского» погребения около Мушова, которые, по нашему мнению, имеют отношение к алано-сарматской культуре. Естественно, возникает вопрос о времени и обстоятельствах попадания сарматских тамг к знатым германцам с территории современной Моравии. И этот вопрос должен рассматриваться в русле давно обсуждаемой проблемы наличия сарматских тамг на германских наконечниках копий II – III вв. н. э.

В более чем столетней историографии проблемы имеются самые разнообразные попытки её разрешения. От крайних и противоположных – отрицание или признание сарматского происхождения знаков (Šmiszko, 1936, s. 144; Тиханова, 1941, с. 275; Драчук, 1975, с. 93; Соломоник, 1959, с. 43-44; Яценко и др., в печати), до предложений конкретных обстоятельств их попадания в Европу (Ščukin, 1993, p. 324-326; Shchukin, 1994, p. 486-490; Dobrzańska, 2001, p. 101-115; Шукин, 2004, с. 458).

На сегодняшний момент утвердилась предложенная М.Б. Шукиным точка зрения о том, что сарматские тамги на германских копьях свидетельствуют о мирных контактах на уровне воинов-дружинников во время событий 50 г. н. э., описанных Тацитом (Тас. Ann. XII, 29) и происходивших на территории современных Словакии и Венгрии. Тогда сарматскому племени языгов довелось воевать против лугиев и гермундулов плечом к плечу с европейскими варварами, возглавляемыми королём квадов Ваннием (Шукин, 1994, с. 222, 230).

Гипотеза заимствования сарматских тамг при мирных союзнических отношениях находит поддержку у многих исследователей, касавшихся обсуждаемой проблемы (Dobrzańska, 2001, p. 102; Яценко и др., в печати; Дзиговский, 2009, с. 153). Но при ближайшем рассмотрении в ней выявляется одна существенная неувязка, которая делает её несостоятельной. Науке неизвестны сарматские знаки, которые можно было бы связать с племенем языгов, и которые должны были быть найдены на территории Венгрии и Словакии. Сарматские тамги в Словакии нам не известны, а материалы Венгрии настолько скудны (Istvánovits, Kulcsár, 2006, p. 175–186), что не могут подтвердить предлагаемую реконструкцию событий.

В недавней работе (Воронятов, Мачинский, 2010, с. 66-69) была предложена альтернативная гипотеза, согласно которой сарматские тамги попадают на германские копья в качестве трофейных знаков в результате победы, одержанной готами над кочевниками в сражении II в. н. э., упомянутом Иорданом. Готский историк повествует о том, как готы под предводительством короля Филимера на своём пути от Готискандзы к Понту «подступают к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы» (Iord. Get. 28). Племя спалов Иордана уже давно отождествляется исследователями с аланосарматским племенем «spalaei» (Plin. NH. VI, 22), фигурирующим в тексте Плиния Старшего (Мачинский, Тиханова, 1976, с. 80; Ščukin, 1993, p. 325).

Единственным претендентом на роль алано-сарматского племени спалов, стоявшего на пути готов и отразившегося в тексте Иордана, по нашему мнению, может быть алано-сарматское объединение, оставившее группу ярких памятни-

ков в междуречье Южного Буга и Днестра (Пороги, Севериновка, Писаревка, Грушка, Гордеевка, Мокра) — орда, возглавляемая во второй половине I в. н. э. царями Фарзоем и Инисмеем, а в период миграции готов — их наследниками (подробнее см. Воронятов, Мачинский, 2010).

Фактически, в результате столкновения спалов и готов и победы последних могло произойти присвоение геральдики побежденных победителями. Возможно, это одна из первых зафиксированных ситуаций, отражающих явление, которое будет так хорошо представлено в средневековой Европе — присваивание имени, титула, элементов герба побеждённого (Кардини, 1987, с. 112). Это то, что Франко Кардини называет «истоками средневекового рыцарства», возникшими в переплетении воинских культур германцев и иранцев.

В контексте проблемы истоков средневекового рыцарства попытаюсь коротко коснуться вопроса функционального назначения так называемых «парадных» копий с инкрустированными серебром символами и руническими надписями. До последнего времени, насколько мне известно, этот вопрос не был актуален для историков военного дела. То есть сомнений в прямом назначении обсуждаемых копий в древности у исследователей не возникало. А между тем, есть некоторые основания предполагать, что, помимо основной боевой функции, у германских копий была ещё одна, весьма тривиальная в мировой истории армий и войн функция — штандарта, навершия древка знамени или боевого значка (Бочкарёв, 2004, с. 405). Не будем развивать эту тему в данной статье, поскольку она заслуживает отдельной работы с привлечением всего имеющегося в распоряжении археологического материала. Приведём лишь один показательный пример присваивания чужой геральдики, связанный со знамёнами европейских армий Нового времени.

В одной из последних своих книг Ф. Кардини описывает любопытную ситуацию, зафиксированную европейскими художниками XVI-XVII вв. после победы Священной лиги над Османской империей в 1571 г.: «И всё же христиане гордились своими победами. В XVI-XVII веках почти на каждом батальном полотне можно видеть уланов со знамёнами, украшенными отнятыми у турок полумесяцами или конскими хвостами — знаками отличия» (Кардини, 2007, с. 219). Я не исключаю того, что за четырнадцать веков до описанных событий могла происходить очень похожая ситуация — европейские варвары, одержавшие победу над кочевниками с востока, наносили их геральдические символы на собственные штандарты как трофеи (Воронятов, Мачинский, 2010, с. 69-71).

Возвращаясь к комплексу «королевского» погребения около Мушова, следует сказать, что выявленные и описанные сарматские тамги на поясных накладках и наконечнике копья могут являться результатом событий, упомянутых Иорданом, и произошедших на территории современного пограничья Украины и Молдавии во II в. н. э. Участвовали ли знатные германцы, погребённые около Мушова, в сражении готов и спалов или совершали ли они самостоятельные набеги на сарматские территории ранее движения готов к Чёрному морю или сарматские знаки попали к ним при чьём либо посредничестве? Ответом на эти вопросы могут быть лишь догадки. Но тот факт, что в мушовском комплексе оказались тамги, зафиксированные в Северо-Западном Причерноморье и конкретно на территории царства Фарзоя-Инисмея, да

ещё и в подобном комплексе в Порогах употреблении, даёт повод допускать возможность причастности погребённых около Мушова к реконструируемым событиям.

Мушовский наконечник копья с сарматскими тамгами с большой вероятностью может оказаться навершием германского знамени или штандарта. Характеристики для этой роли у него неплохие. Наконечник очень хорошо сохранился, в отличие от всего другого оружия комплекса. Возможно, это говорит о том, что его не употребляли в бою и берегли. Редкий тип и специфичная форма пера также свидетельствует в пользу, скорее, церемониального и демонстративного, чем боевого назначения наконечника.

Традиция нанесения тамги на поясные накладки могла быть подмечена германцами и перенята только у алано-сарматов. Пояс в Порогах — не единственная аналогия использования тамг в поясной гарнитуре первых вв. н. э. Известно довольно большое количество поясных ажурных пряжек и их имитаций с тамгами боспорских правителей II — III вв. н. э., найденных преимущественно в районе Пантикапея (Соломоник, 1959, с. 132-137).

Считая наиболее вероятными обстоятельствами попадания сарматских тамг к германцам события II в. н. э., произошедшие на северной границе степи бассейнов Днестра и Южного Буга, следует упомянуть ещё один вариант ситуации, которая теоретически могла способствовать заимствованию сарматских знаков людьми, погребёнными именно около Мушова.

Дело в том, что рассматриваемый неординарный комплекс стоит несколько особняком по отношению к германским памятникам, где были обнаружены наконечники копий с сарматскими тамгами. Он расположен в стороне от их основного ареала и практически на границе с римским лимесом (рис. 11). Это обстоятельство напоминает о том, что, по мнению исследователей, погребённые около Мушова германцы могли быть важными лицами в событиях Маркоманских войн и поддерживали дипломатические отношения с высокопоставленными чинами римской армейской иерархии (Peška, 2008, S. 58). Как известно из источников, в Маркоманских войнах против Рима на стороне варваров принимали участие и сарматские племена. Первый этап войны закончился миром в 175 г., и в декабре 176 г. н. э. император Марк Аврелий с сыном Коммодом даже праздновали триумфом победу над германцами и сарматами.

То есть, теоретически возможно, что под началом аристократов, погребённых около Мушова, могли быть некие сарматы, которые воевали вместе с германцами против Рима. И этот союз отразился в сарматской геральдике, попавшей в комплекс мушовского погребения. Но, повторяю, что, как и в случае с событиями 50 г. н. э. на территории Словакии и Венгрии, связанными с королём Ваннием, на землях, прилегающих к дунайскому лимесу, отсутствуют археологические материалы с сарматскими тамгами, которые бы подтверждали участие в Маркоманских войнах кочевых сарматских племён, использующих тамги. Случай их обнаружения в захоронении около Мушова — скорее исключение из правила.

Резюмируя, можно сказать, что чрезвычайно интересный и разнообразный инвентарь комплекса погребения около Мушова оказывается куда более интернациональным, чем ранее предполагалось. Помимо изделий из ремесленных цехов римских провинций и оригинальных германских вещей, в материалах за-

хоронения выявляются алаано-сарматские мотивы, воплощённые германскими мастерами на территории Барбарикума в изящных ювелирных изделиях и предмете церемониального вооружения.

Таким образом, «королевское» погребение около Мушова в Чехии следует рассматривать в контексте проникновения элементов алаано-сарматской культуры на Запад наряду с такими памятниками, как захоронение в кургане Рошава Драгана в Болгарии, находками из Окницы, Пояны и Бузэу в Румынии и многочисленными изображениями сарматских тамг на наконечниках копий, обнаруженных на территории Западной Украины, Польши, Германии и Норвегии. Отношение всех перечисленных древностей к памятникам, связываемым с алаано-сарматским царством Фарзоя-Инисмея, позволяет реконструировать захватывающие страницы истории Северо-Западного Причерноморья в римскую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в н.э. // САИ, Вып. Д1–30. Изд. «Наука». Москва, 1966. С. 111.: табл.

Бочкарёв В.С. О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: детектив и мыслитель. The Archaeologist: Detective and Thinker. Сборник статей, посвящённый 77-летию Льва Самойловича Клейна. Изд. СПбГУ. Санкт-Петербург, 2004. С. 385–408.

Буюклиев Х. Тракийски могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг // Разкопки и прочувания. Кн. XVI. София, 1986. 151 с.: ил.

Воронятов С.В., Мачинский Д.А. О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Германия–Сарматия II. Калининград–Курск, 2010. С. 57–77.

Дзиговский А.Н. «Железный предмет» из Окницы, «клад» из Бузэу и сарматы Северо-Западного Причерноморья // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 9. Одесса, 2009. С. 147–154.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Изд. «Наукова думка». Киев, 1975. 175 с.: таб.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. Изд. «Прогресс». Москва, 1987. 360 с.: ил.

Кардини Ф. Европа и Ислам. История непонимания. Изд. «Alexandria». Санкт-Петербург, 2007. 326 с.

Мачинский Д.А., Тиханова М.А. О местах обитания и направлениях движений славян I–VII вв. н.э. (по письменным и археологическим источникам) // ААС, t. XVI. Cracoviae, 1976. С. 59–94.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Изд. Факультета филологии и искусств СПбГУ; Нестор–История. Санкт-Петербург, 2010. 327 с.: ил.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги). Изд. «Наукова думка». Киев, 1991. 109 с.: ил.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Изд. АН УССР. Киев, 1959. 175 с.: ил.

Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Аркаимская долина в раннем железном веке // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск, 1995. С. 63–78.

Тиханова М.А. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры (к вопросу об этногенезе восточных славян) // МИА. № 6. Москва – Ленинград, 1941. С. 247–278.

Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. Изд. Фарн. Санкт-Петербург, 1994. 323 с.: ил.

Щукин М.Б. Умбон из кургана «Садовый» под Новочеркасском // Археолог: детектив и мыслитель. The Archaeologist: Detective and Thinker. Сборник статей, посвящённых 77-летию Льва Самойловича Клейна. Изд. СПбГУ. Санкт-Петербург, 2004. С. 445–463.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. Изд. «Восточная литература» РАН. Москва, 2001. 188 с.: ил.

Яценко С.А., Добжаньская Г., Пивоваров А.В. Германские парадные копыя II – III вв. н. э. с сарматскими знаками // Сборник ГИМ памяти И.И. Гушиной. Москва, (в печати): <<http://www.formuseum.info/2009/04/26/jacenko3.html>>.

Andrzejowski J. Groty włóczni ze znakami symbolicznymi ze Stryczowic // Z Otchłani Wieków. 61/1–2. 2006. Warszawa, S. 147–150.

Carnap-Bornheim von C. Der Trachtschmuck, die Gürtel und das Gürtelzubehör // Peška J., Tejral J. Das germanische Königsgrab von Mušov in Mähren (RGZM Monographien, Bd. 55, Teil 1). Mainz, 2002. S. 189–305.

Dobrzańska H. Contacts between Sarmatians and the Przeworsk Culture community // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st – 5th centuries A.D. Proceedings of the international conference held in 1999 in Aszód – Nyiregyháza. Aszód – Nyiregyháza, 2001. P. 101–115.

Droberjar E., Peška J. Die Waffen // Peška J., Tejral J. Das germanische Königsgrab von Mušov in Mähren (RGZM Monographien, Bd. 55, Teil 1). Mainz, 2002. S. 97–125.

Hachmann R. Verzierte Lanzespitzen der Jüngerer Kaiserzeit. Die Vor- und Frühgeschichte und die Runeninschriften im älteren Fuþark // Kulturen zwischen Ost und West; das Ost-West-Verhältnis in Vor- und Frühgeschichtlicher Zeit und sein Einfluss auf Werden und Wandel des Kulturraum. Berlin. 1993. S. 327–422.

Istvánovits E., Kulcsár V. Szarmata nemzetségjelek a Kárpát-Medencében // Arrabona. Múzeumi közlemények. № 44/1. Győr, 2006. P. 175–186.

Kontny B. Uzbrojenie kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich i początkach okresu wędrówek ludów // Wandalowie. Strażnicy burstynowego szlaku. Katalog wystawy. Wid. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin-Warszawa, 2004. S. 143–161.

Peška J. Das Königsgrab der älteren Römischen Keiserzeit bei Mušov in Südmähren/Tschechische Republik // Rom und die Barbaren. Europa zur Zeit Völkerwanderung. Bonn, 2008. S. 56–58.

Peška J., Tejral J. Das germanische Königsgrab von Mušov in Mähren (RGZM Monographien, Bd. 55, Teil 1–3). Mainz, 2002. 679 S.: Ill. und Taf.

Ščukin M.B. A propos des cantakts militaires entre les Sarmates et les Germanins à l'époque romain d'après l'armament et spécialement les *umbo* de boucliers et les lances // L'armée romaine et les Barbares du III-e au VII-csiècle. Saint-Germain-en-Laye, 1993. P. 323–333.

Shshukin M. Shields, swords and spears as evidence of Germanic-Sarmatian contacts and Barbarian-Roman relations // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlicher Jahrhunderten. Marburger Kolloquium 1994. Lublin/Marburg, 1994. P. 485–495.

Simonenko A.V. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Simonenko A., Marčenko I.I. und Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Archäologie in Eurasien. Band 25. Mainz, 2008. 94 S.: Taf.

Śmiszko M. Grot dzirytu z runicznym napisem z Rozwadowa nad Sanem // WA. Vol. XIV. Warszawa, 1936. S. 140–148.

Wandalowie. Strażnicy burstynowego szlaku. Katalog wystawy. Wid. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin-Warszawa, 2004. 371 s.: Rys.

Yatsenko S.A. Marks of the Ancient and Early Medieval Iranien-Speaking Peoples of Iran, Earsten Europe, Transoxiana and South Siberia // Traditional Marking Systems. London, 2010. p. 133–154.

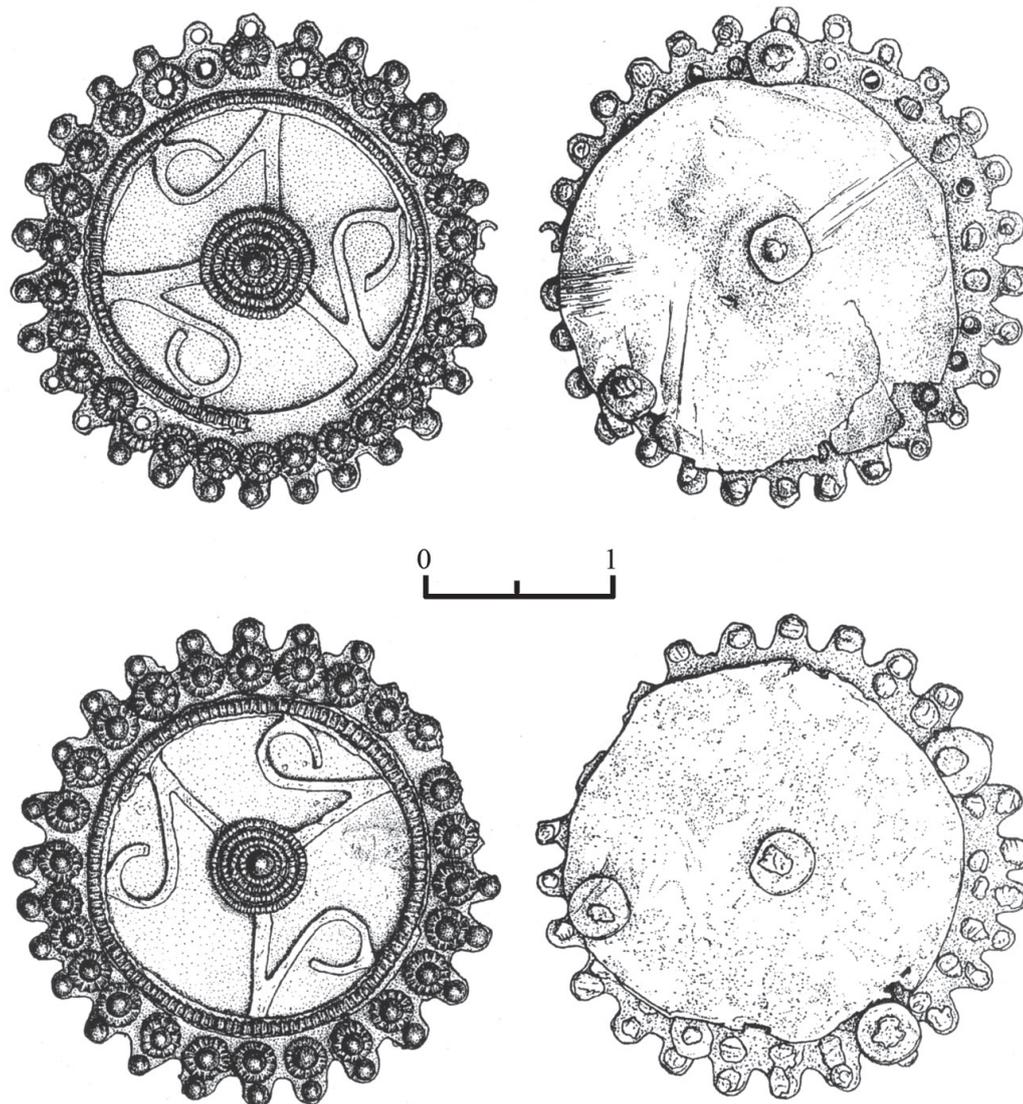

Рис. 1. Поясные накладки из погребения около Мушова (по Carnap-Bornheim, 2002).

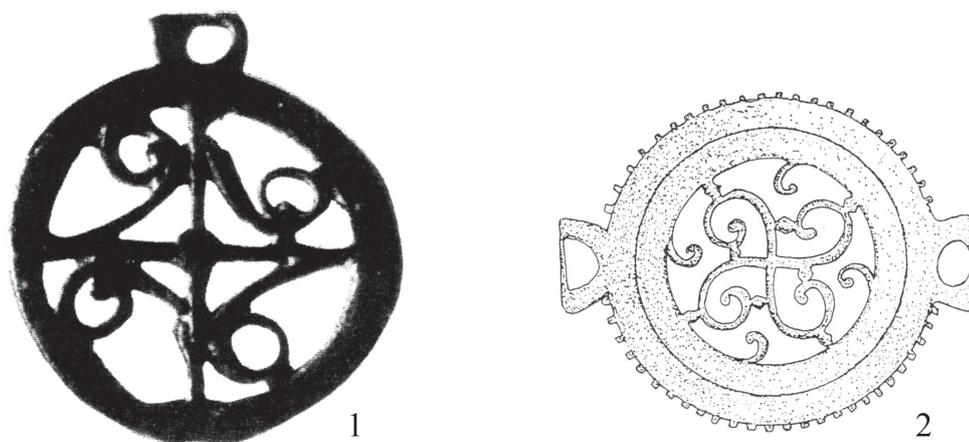

Рис. 2. Подвеска из Сискии – 1, Накладка из Цугмантель – 2 (по Carnap-Bornheim, 2002, без масштаба).

Рис. 3. Карта распространения сарматской тамги в виде триквестра.

1 – Мушов, 2 – Стрыцовице, 3 – Ольвия, 4 – Большекараганский могильник.

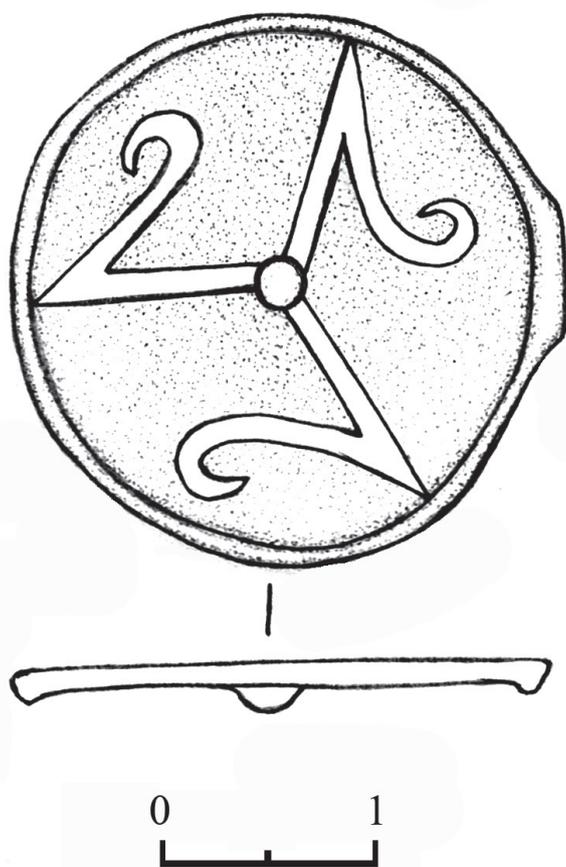

Рис. 4. Бронзовое зеркало из погребения кургана № 8 Большекараганского могильника Челябинской области (прорисовка по Таиров, Любчанский, 1995)

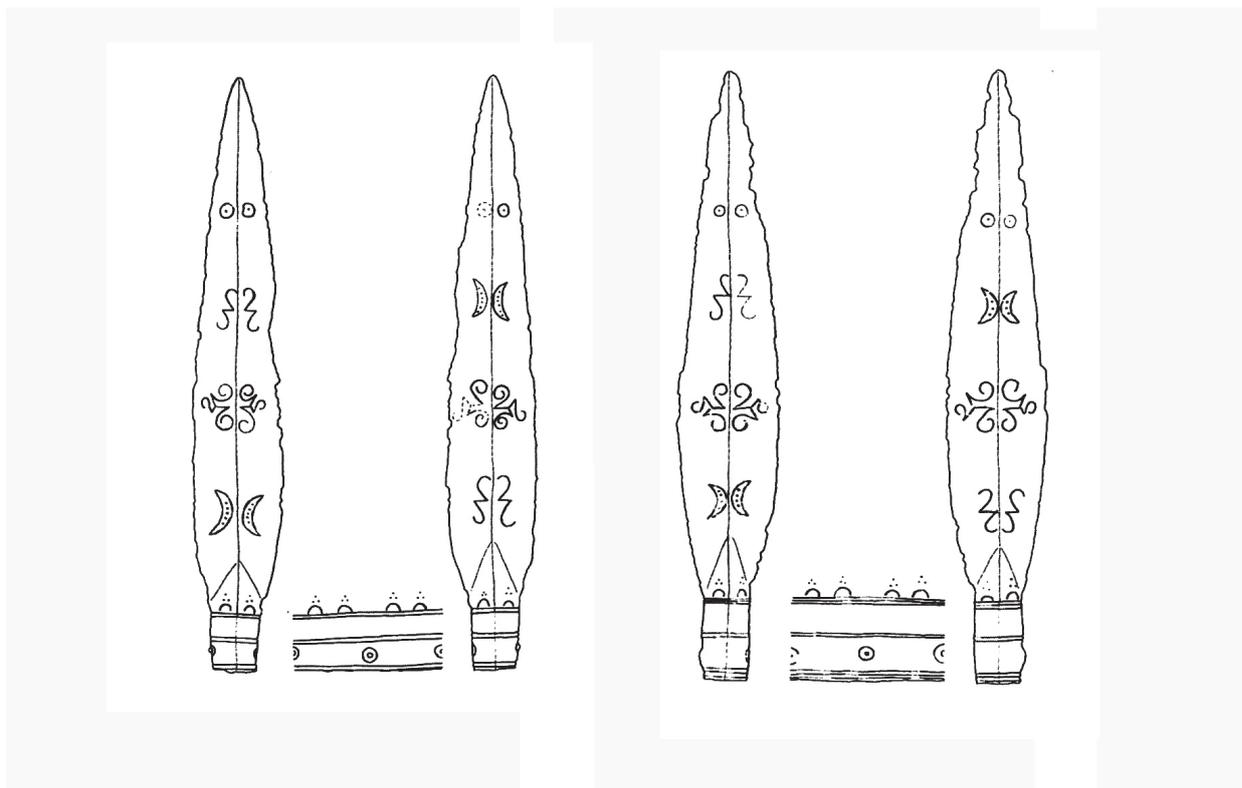

Рис. 5. Наконечники копий из Стрыцовиц (Wandalowie, 2004, без масштаба).

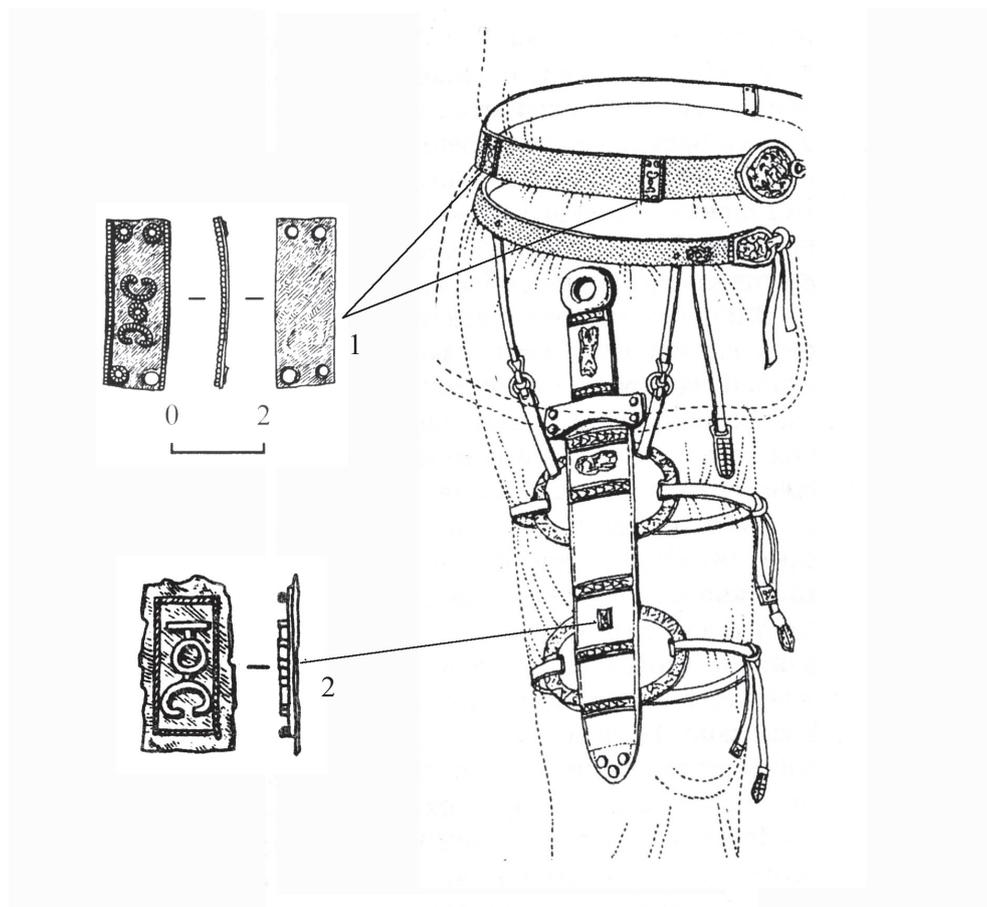

Рис. 6. Реконструкция портупейного пояса из Порогов.

1 – поясная накладка с тамгой, 2 – накладка на ножны меча (по Симоненко, 2010).

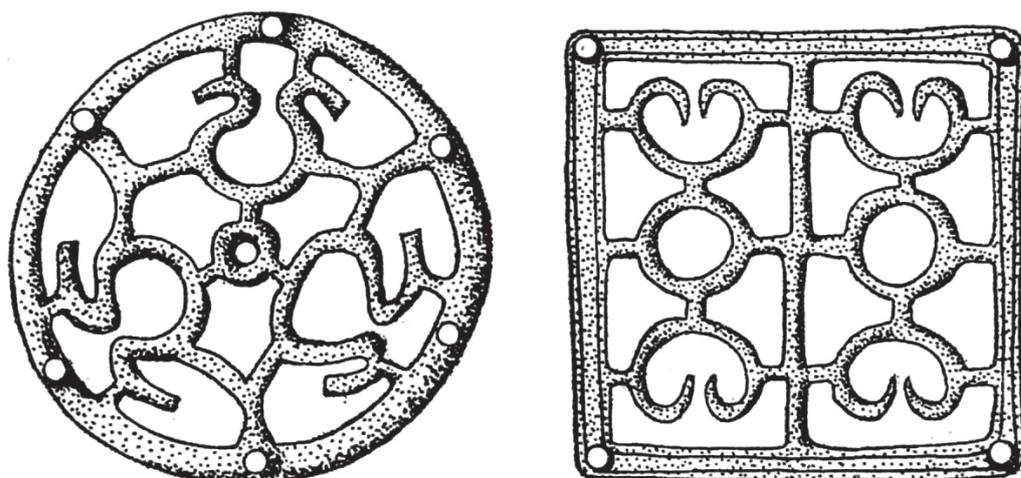

Рис. 7. Бронзовые накладки на ножны меча, обнаруженные в погребении в Рошава-Драгана в Болгарии (по Буюклиев, 1986, без масштаба).

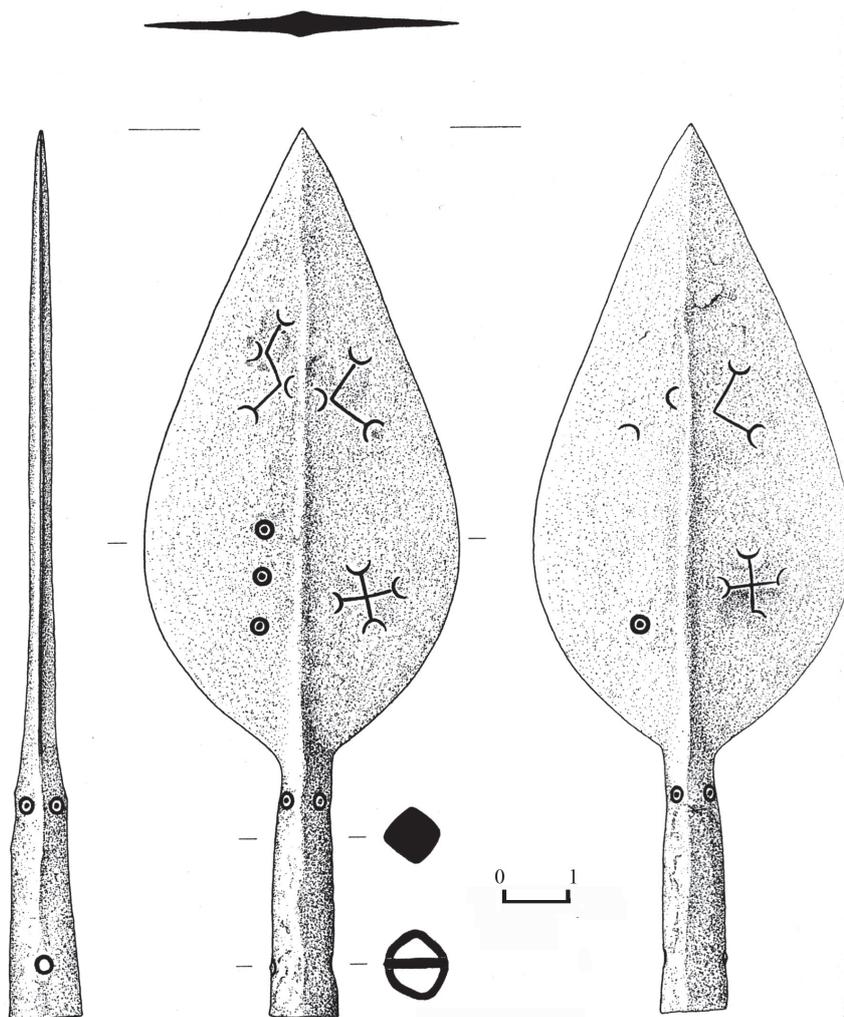

Рис. 8. Наконечник копья из погребения около Мушова (по Droberjar, Peška, 2002).

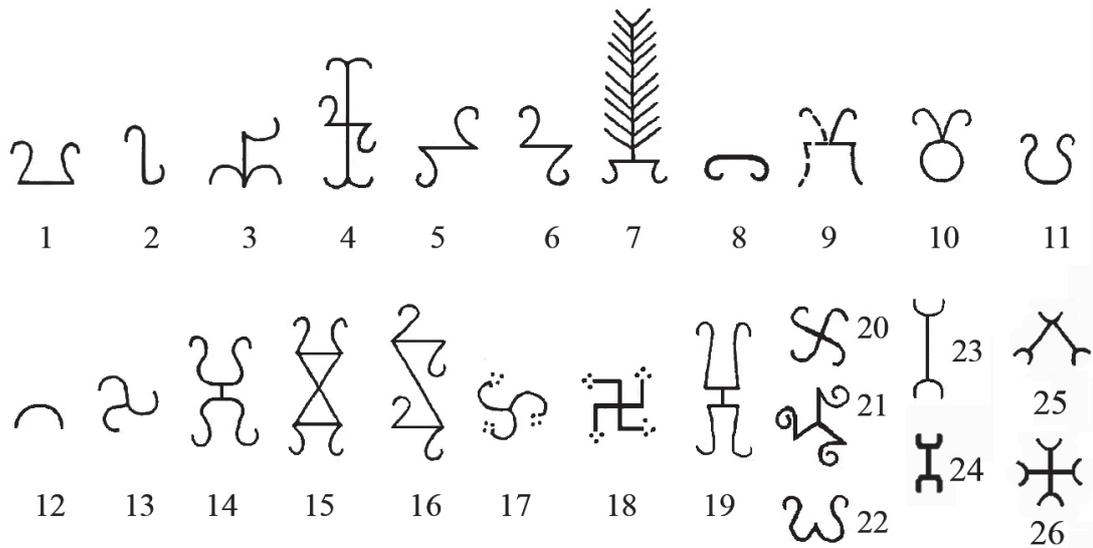

Рис. 9. Типы сарматских тамг (обозначены цифрами), обнаруженные на германских наконечниках копий (по Yatsenko, 2010).

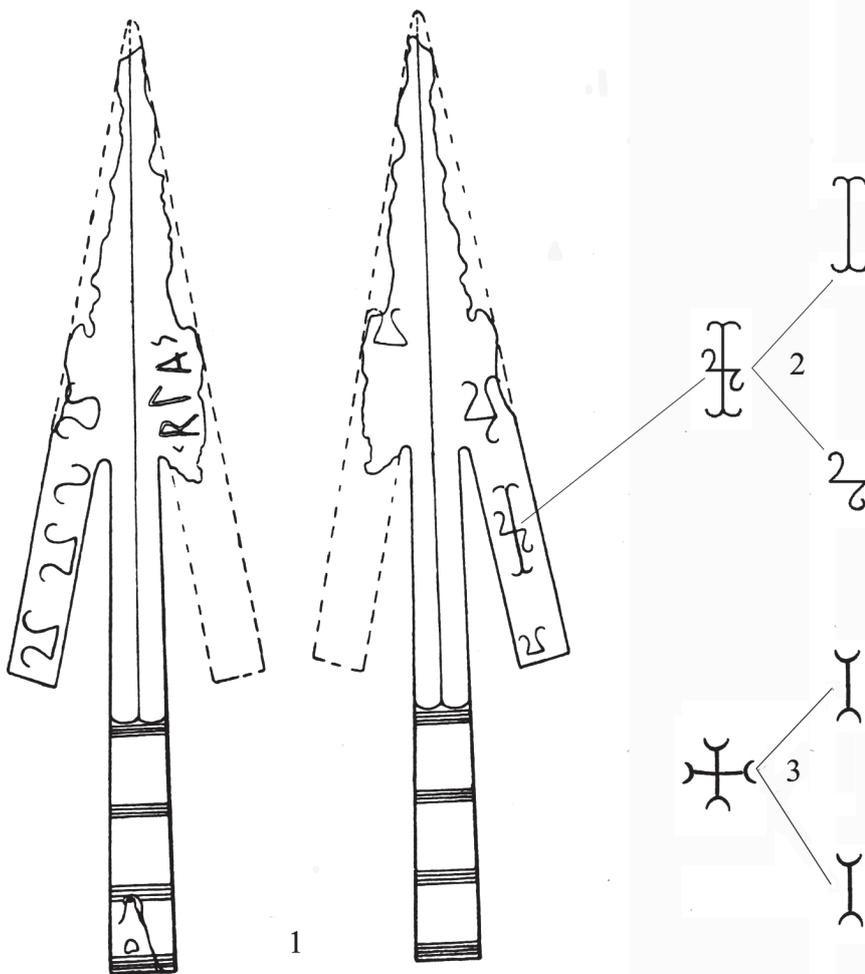

Рис. 10. Наконечник копья из погребения могильника Розвадув - 1 (по Śmiszko, 1936), 2 - схема образования знака на наконечнике из Розвадува, 3 - схема образования знака на наконечнике из Мушова (без масштаба).

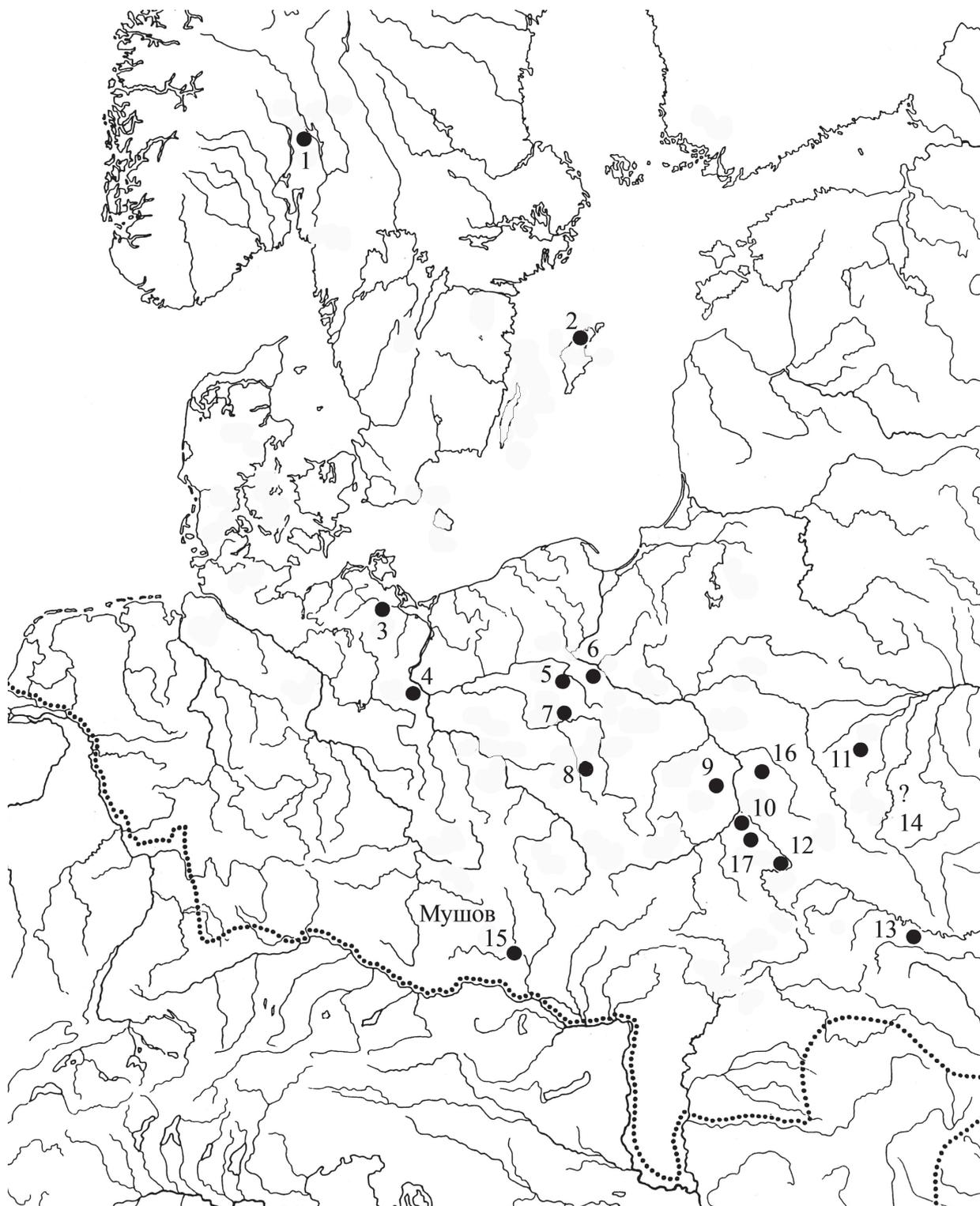

Рис. 11. Находки копий с сарматскими тамгами.

1 – Валле, 2 – Мос, 3 – Медов, 4 – Мюнхенберг-Дамсдорф, 5 – Янково, 6 – Бодзаново, 7 – Вржесня, 8 – Задовице, 9 – Стрыцовицы, 10 – Розвадув, 11 – Сушично, 12 – Каменица, 13 – Недобоевицы, 14 – Экземпляр в частной коллекции, 15 – Мушов, 16 – Подлѣдув, 17 – Гач. Карта дана по работам (Droberjar, Peška, 2002; Yatsenko, 2010, с добавлениями).